

АННА
ВЛАДИМИРОВА

Единственная
ДЛЯ ЗВЕРЯ

Анна Владимировна
Единственная для зверя
Серия «Медведи Аджуна», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67666475

Аннотация

– Приведите девчонку в клетку зверя, – рявкнул седой мужчина. – Он не спускает с нее глаз, когда она рядом. Это – наш последний шанс.

В жизни не все идет по плану. А иногда – просто катится в пропасть. Я думала, что подработаю летом на удаленной исследовательской базе... а оказалась в клетке со зверем. Ночь с которым навсегда изменила наши жизни...

Роман-редакция, выкладывался ранее под названием "Ночь со зверем"

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Всего-то хотела заработать...	14
Глава 2. Новое начало	20
Глава 3. Новые правила	29
Глава 4. Волчонок	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анна Владимирова

Единственная для зверя

Пролог

Я ненавидела себя за то, что хотела жить... после всего, что сегодня произошло. Это существо... Я не знала, как его назвать про себя. Мужчина? Да, им он, определенно, был тоже, как оказалось. Но только частично. Зверь? Им даже больше, чем человеком.

Губы растянулись в кривую изможденную усмешку – я же знала, куда еду. Вот и получай, Ари, что заслужила. Я всхлипнула и зажмурилась, пытаюсь сдержать слезы, и зверь снова зашевелился – прошелся горячими пальцами вдоль позвоночника и впутался ими в волосы, но ничего не сказал. Он уложил меня на себя и обнял, пытаюсь согреть.

Я осознала это только сейчас, когда сердце перестало колотиться в животе. Мне казалось, кроме него там, внутри, ничего не осталось. Сначала решила, что от меня вздумали избавиться. За что? Ответа не было.

Жизнь сузилась до объятий мужчины. Я физически чувствовала каждый ее миг, будто ровная линия вдруг стала пунктиром и нерешительно чертила оставшееся мне время ударами сердца.

Тепло, наконец, стало проникать под кожу, и меня начало уносить в забытье. В мыслях оживали картинки, еще недавно раскрашенные радужными надеждами, а сейчас – обесцвеченные суровой реальностью.

* * *

– Медведь следит за ней...

– За кем?

– За новой уборщицей. Девчонкой с плеером.

– Точно, да... Хорошенькая такая...

– Да-да...

– Уверен? То есть, он правда может на нее реагировать не просто так?

– Может. Слышал, они могут выбирать сами...

Я не был уверен, что вернулся. Но начал различать голоса. Только когда? Сегодня? Вчера? Месяц назад? Все смешалось в грязное месиво из обрывков чувств, воспоминаний, звуков и запахов. И из всех запахов я выделял ее – тонкий, едва слышимый. Он дергал нервы, щекотал ноздри и... бил набатом в пах, рождая жажду, которую не утолить водой. Я судорожно втянул воздух, сглатывая, и открыл глаза.

Возле клетки стояли двое. Один высокий, почти старик. Второй – какой-то смуглый тип. Глаза у него блестели нездорово. И сам он казался мне отчего-то больным насквозь. И вонял так, что я снова уткнулся носом в подстилку, спасаясь

в запахе, который вдруг стал всей Вселенной, будто натянутая нить между забвением и жизнью. Я даже не сообразил, что мыслю вполне здраво. Наверное, я давно соображаю... просто... не замечал этого.

– Притащите ее к нему в клетку, – решительно приказал старик.

– Но мы подбирали полгода... Столько девок он тут порвал...

– Да плевать. Если смотрит за ней, как тебе кажется, нельзя не проверить. Мне нужны результаты. – На немую паузу понизил голос: – Сегодня. Только по-тихому. Чтобы не орала сильно на весь корпус, а то после той ночи у меня куча вопросов от персонала. Они уже не верят, что мы просто содержим оборотней.

Что он несет? Я слушал, но с трудом понимал. Где я вообще?

Шаги стихли, и я будто снова выпал в свое забвение. Просто дышал, пытаясь хоть как-то зацепиться разумом за тело, вспомнить, как это вообще делается... Шло время, и все больше прояснялось в голове. В мозгу мельтешили обрывки картинок, заблудившихся в памяти. Я помнил себя. Мне... тридцать... тридцать три, кажется. И меньше всего я думал, что могу оказаться в таком месте. Сколько я тут? А сколько я в звере? Невозможно. Как я вообще тут оказался? Лапу что-то тянуло, и я открыл глаза – катетер. Меня чем-то ширяют. Поэтому так плохо... И поэтому столько злости внутри.

Я тихо зарычал, только чужой крик вдруг ударил по ушам. Непонятно почему, но остаться равнодушным не вышло. Я метнулся к прутьям и заревел. Ответом мне стала настоящая истерика бьющейся в руках охранников смутно знакомой девчонки.

– Нет! Отпустите! Боже, нет! Что я вам сделала?! Я не скажу никому, пожалуйста! Пожалуйста!

Я узнал ее. Она бывала здесь несколько раз в день. А еще музыка... слушала какую-то музыку в дешевых наушниках, пропускающих звуки во все стороны. И... пахла так, что хотелось жить... Чем больше она дергалась, тем ярче мне виделся цветочный луг в летнем мареве, аромат жасмина перед грозой наполнял рот слюной, а внутренности согревало от послевкусия нагретой на солнце пшеничной соломинки. Не соображая, я завороченно опустился на четыре лапы, цепенея от понимания – это ее запах я слышу от подстилки.

Скрежет замка будто оставил на нервах борозды, и я дернул головой, доводя девушку до полнейшего исступления. Ее швырнули в проем клетки, в который она тут же ударилась, пытаясь не позволить закрыть ее.

– Давайте, голубки, – усмехнулся охранник. – Хорошей ночи.

Я зарычал, а она резко развернулась в мою сторону и прижалась дрожащей спиной к холодной двери. Смотрела на меня невменяемым взглядом и тряслась, скуля от страха. А я старался не шевелиться. Может, мне бы удалось ее успоко-

ить своим деланным равнодушием... только отвести взгляд не удавалось.

Красивая. Глаза большие, спутанные волосы теплого цвета, разбросанные по плечам, сама – малышка. Медведем я бы мог ее спрятать у себя на пузе в лапах, и не нашел бы никто. Я фыркнул при этой мысли, а она снова взвыла и зацарапалась в двери. Короткая футболка при этом задралась до задницы, открывая будоражащий вид на крепкие ягодицы в коротких трусах-шортах.

Взирая на ее тщетные попытки достучаться до совести охранников – или кто это был? – я начинал понимать, зачем ее мне притащили. А в памяти всплывали прежние попытки...

Мучительными вспышками перед мысленным взором заскакали ни черта не радостные картинки – кровь на полу, бездыханное тело... в том углу, возле подстилки... и еще тут, у прутьев... Мой зверь терзал здесь невинных жертв, преподносимых ему... ради эксперимента?

Я не сразу заметил, что с каждым вздохом мне нужно все меньше воздуха, что угол зрения стал выше, ступни обожгло холодом, а от злости пальцы сжались в кулаки. Глаза видели теперь совсем по-другому, но слух и обоняние остались прежними, а, что еще хуже, реакции на девушку – тоже. Ее тяжелое рваное дыхание дергало нервы, осознание ужаса всей ситуации ни черта не способствовало собственному спокойствию, потому что я был единственным, кто мог нас

вытащить... И я ее хотел едва ли не больше, чем свободы.

– Успокойся, я тебя... не убью, – прохрипел я.

– П-п-п-ожалуйста, – и она заплакала, жмурясь и скручиваясь у дверей, обняв колени. – Пожалуйста...

– Тише, – сделал к ней шаг, но она вздрогнула и снова ударилась лопатками о железную дверь. Я вскинул ладони в воздух: – Я – в себе, не зверь, слышишь? Не делай. Резких. Движений...

Потому что я ни черта не контролирую себя еще! Но ей этого сообщать не стоило.

Она слушала, пытаясь вжаться в твердую поверхность, и крупно дрожала. Я оглянулся – ну просто отличное место для женщины, мать их! Медвежья подстилка, кран в углу... Хоть клетку вычистили, твари. Я снова стиснул кулаки – хотелось наброситься на прутья и биться в них, как это только что делала она, но... надо набраться терпения. Потому что сегодня я не смогу сопротивляться – буду делать все по их правилам.

– Как твое имя? – опустился на колени в нескольких шагах.

Она все еще дрожала и ответить не смогла бы при всем желании – зуб на зуб не попадал.

– Послушай, – хрипел я, смаргивая пелену, – послушай... успокойся... Я постараюсь тебя не тронуть...

Зря я это сказал. Она скрутилась еще больше и заплакала. А у меня вся жизнь сжалась до этих секунд. Если я потеряю

контроль, то впору ставить точку – не смогу себя простить. Хоть и не виноват, но не смогу. Эта – какая-то особенная, и не эти ублюдки ее мне подстроили, я ее сам подставил, будучи в звере. Тот старик сказал, что они заметили мой интерес.

– Успокойся, – заговорил снова. – Я не трону, не сделаю больно, обещаю...

Врал. Безбожно. Потому что если она задергается и не подчинится, больно будет...

Я прикрыл глаза, успокаивая дыхание, и отвернулся от нее, упираясь лбом в обжигающе холодные прутья. Она же тут замерзнет за ночь. Уже дрожит. Суставы пальцев прострелило от боли – так сжал прутья. В груди нестерпимо жгло от злости... Я выживу, твари. Вырвусь... А потом вы у меня все будете выть... умирая долго и мучительно... за каждый труп, что вы тут закопали... за каждый крик этой, пока что еще живой.

Ее всхлип выдернул из мрачных мыслей, и я выпрямился. Наплевал, что она отпрянула в страхе – смысла ждать не было. В два шага оказался рядом и подхватил на руки, но, вопреки ожиданиям, девочка не стала вырываться – оцепенела. Такая холодная! Я отнес ее на подстилку и усадил к себе на колени, вынуждая обнять меня ногами.

– Нам нужно спастись, слышишь? – запустил пальцы в ее волосы и вжал ее в себя.

Я знал, что на человеческих женщин мы действуем по-

особому – стоит прижать посильнее, и она начнет дуреть от желаний, как и я. А еще успокоится и доверится, пусть и ненадолго. Только мысли об этом выцветали с каждым вдохом. Ее запах заменил воздух, возвращая мне способность быть в реальности – нервы переставали звенеть от напряжения. Я опустил ладони на ее ягодицы и осторожно сжал, прикрывая глаза... но она вдруг дернулась и захлала мне по лицу так, что аж голова мотнулась.

Может, мои способности поизносились – черт знает. Я и не пробовал никогда затащить к себе в постель человеческую женщину – не было необходимости. Но стоило навести на лице девчонки резкость, стало ясно – нормально я на нее действую, ее взгляд уже невменяемый и пьяный, а сама не дрожит почти.

И я рванул ее к себе, впиваясь в ее рот с такой жадью, будто в ней – вся жизнь. А сейчас именно так и казалось. Мне некуда деваться – буду играть по чужим правилам. Эта женщина – все, что у меня есть, и она каким-то образом спасает меня от забвения в звере. По крайней мере, пока. Я дернул с нее футболку, стараясь не разодрать ткань на части. Чем больше контакта с кожей, тем быстрее ее отпустит. А вот трусы снять не вышло – потому что стоило ее голой груди вжаться в мою, в моей башке сверкнуло. Я только сжал зубы, когда она вскрикнула, и бесцеремонно скользнул между ягодиц пальцами. Девочка впиалась ногтями в плечи, напугалась в руках, выгибаясь:

– Н-н-н-е...

– Прости, – прохрипел ей в шею и попробовал опустить ее на себя с размаху, но она вскрикнула ярче, а меня больно приложило осознанием. Думал, куда хуже? А нет – перспектива обрисовалась так ярко, что перед глазами потемнело.

Моя жертва оказалась невинна. А когда она открыла глаза и посмотрела в упор, я замер.

Ее глаза были ярко-синего цвета. А взгляд врезался в память раскаленным стеклом. Мокрые ресницы дрожали все сильнее, когда она сдавалась, со стоном впуская меня. А я с каждым толчком в нее дурел все больше. Какая тесная... Я же ее порву к чертям! Выдержка таяла с каждым движением, дыхание тяжелело, а в паху резало уже так, что, казалось, лопнет. Но я из последних сил заставлял себя терпеть. Первый... я, мать его, у нее первый!

«И последний», – поставил внутри точку зверь, и я рванул ее на себя до упора. Пальцы скользили по мокрой коже, пытаюсь удержаться, до синяков, до крика... Я пытался быть осторожным, насколько это вообще было возможно, а она хваталась пальцами за плечи, всхлипывая на каждое мое движение...

«Как ты тут вообще оказалась? Кто тебя так наказал? И за что?» – Вопросы жгли внутренности кислотой, но я не останавливался, продолжая удовлетворять звериную похоть, которой не мог сопротивляться. И не хотел. Девочка стояла все жарче, и это могло бы даже отдаленно напомнить

ночь любви, если забыть о том, где мы и кто. Я наматывал ее длинные влажные волосы на кулак, оголяя нежную шею, и одержимо метил тонкую кожу. Только забыться не вышло – слишком долгим было воздержание. Я стиснул зубы, лишь бы не позволить себе навредить ей еще больше, и зарычал. Разрядка не принесла удовольствия и облегчения, член отозвался ноющей болью – мало. Но в голове просветлело достаточно, чтобы не позволить зверю взять верх окончательно.

Я подхватил девушку и понес к крану. Она напряглась в моих руках, замирая, и застонала, когда усадил ее на раковину. Только по взгляду становилось понятно – сломлена. И никакой обезболивающий эффект этому не поможет.

Я впервые в жизни пожалел, что не волк во второй ипостаси, потому что захотелось взвыть...

Глава 1. Всего-то хотела заработать...

Я решила подработать летом. Думала, мама будет гордиться тем, что мне удалось вырваться из фермерского захолустного Виндингтона в город и поступить на факультет в Университет финансов и права. Колледжа было недостаточно для амбиций – хотелось большего.

Салана – дочь маминой подруги, которая работала в Смиртоне на овощном рынке, предлагала мне пойти в ночной клуб. «Верняк, – говорила она. – Денег там можно поднять за неделю столько, что хватит и на жизнь, и на съем нормальной комнаты на двоих».

Но одной пробной смены мне хватило, чтобы понять – такая работа не для меня. Сейчас, конечно, это дико смешно. Я врзала вышибале клуба между ног, когда он схватил меня, идущую с пустым подносом, за задницу проверить нервы на крепость... Придурок. И чем я кончила? Его пророчеством. Он тогда мне так и пожелал, чтобы меня, «такую трепетную недотрогу», отодрали где-нибудь в подворотне.

Я тогда гордо показала ему средний палец, а Салане сказала, что найду другую нормально оплачиваемую работу.

Нашла... Вернее, работа нашла меня через биржу занятости. Когда мне подписали договор, я чувствовала себя побе-

дительницей – кто ищет, тот найдет... неприятности на пятую точку.

Зверь вдруг задышал чаще, и воспоминания спутались, пошли белым шумом в голове, а с губ сорвался стон.

– Пить хочешь? – хрипло прошептал.

Но я не ответила. Я вообще хотела забыть и его, и все случившееся. Хотя бы во сне... Между ног саднило, несмотря на то, что он сделал все, что мог... Боже, ну что он мог? Вернее... Он же дикий зверь, бешеный оборотень, а вдруг оказался почти человеком. Почти... Теперь, когда могла дышать, я осторожно пересматривала последний час своей жизни. Он просил меня успокоиться – пытался сдерживаться? Или показалось? А я думала, меня притащили ему скормить.

Первый день на работе оставил меня полной энтузиазма. Мне объяснили, что это место – резервация для заключения оборотней, которые не могут обернуться. Они опасны, поэтому за ними присматривают.

Подумаешь, оборотни. Никогда их не боялась. Те, что жили в Смиртоне, были почти людьми. Мне и в голову не приходило, что их стоило бояться.

В мои элементарные обязанности входила уборка камер. Ну и что такого? – думала я воодушевленно. По мне – гораздо лучше того, что предлагал ночной клуб. Тяжелой работы я с детства не боялась. А платили за нее в два раза больше, чем обещала мне Салана с чаевыми.

В первую неделю все было хорошо – лето, лес, серьез-

ная обстановка с пропусками, костюмами и четким графиком, медицинский персонал, которому отведен целый этаж в двухэтажном здании, вытянутом вдоль оврага. Персонал не болтал лишнего, но казался мне довольно дружным. Да я и не расспрашивала особо никого и ни о чем. Мне нужно было всего лишь продержаться пару месяцев и забыть об этом месте. Ночами я готовилась к экзаменам. Утром ползла на работу. А после обеда отсыпалась до вечера. И так каждый день.

Пока однажды ночью меня не угораздило прокрасться в столовую за печеньем.

Когда до кухни долетел жуткий вопль, меня изрядно потрянуло. Чувство самосохранения подсказало, что дергаться не нужно – я так и застыла с печеньем в руке над кофеваркой. Если кто-то просмотрит камеры, поверит, что я ничего не слышала. Я тогда убрала молоко в холодильник трясущимися руками, подергиваясь в такт воображаемой музыке. Рассмотрят они клипсы в ушах или нет – второй вопрос. Но становиться свидетелем чего-то жуткого мне не хотелось.

Я тогда протряслась всю ночь у себя в комнате, раздумывая, как отсюда сбежать. К утру, правда, попустило. Только сколько бы я ни пыталась успокоиться, обмануть себя не вышло – так кричат только в последний раз. А когда на глаза попало несколько пятен крови на кафеле в клетке этого... я решила, что пора увольняться.

Но уволиться стало проблемой. Меня вызвали в медотсек

и провели в просторный кабинет. Обстановка откровенно пугала, а суровый мужчина за внушительным столом никак не напоминал рядового менеджера по персоналу. Он смерил меня с ног до головы взглядом, который не понравился, как и все происходящее. На мое объяснение, что мне нужно срочно домой по семейным обстоятельствам, он холодно дал понять, что мои личные проблемы его не особо волнуют, я подписала контракт на два месяца. Про «больную маму» слушать вообще не стал. Сказал сидеть и отрабатывать договор. Ну или идти до города пешком, потому что в эту глушь за мной одной никто не примчится.

И вот тогда я поняла, что попала по полной. А сегодня, когда в комнату ко мне вдруг приперлись охранники и вытащили из-под одеяла – что надо было идти пешком...

И как мало теперь стало нужно, чтобы надеяться на второй шанс. Биение сердца зверя успокаивало, а его ласка, такая странная, дикая в этом всем кошмаре, казалась бредом... Но я цеплялась за нее, как за соломинку, лишь бы не сойти с ума от страха. Теперь уже боялась не его. По крайней мере, пока он не обернулся снова в медведя.

– Прости, – шептал он хрипло в моем сне. – Нам просто нужно выбраться... Прости...

* * *

Лязг замка подкинул меня в руках мужчины, и он сжал

меня так, что стало тяжело дышать. В горле пересохло, дико хотелось пить и в туалет...

– Отдай девочку, сводим к доктору и вернем. Приказ главного. – Я узнала голос. Это был Харлос – старший смены, мой непосредственный начальник. Я с трудом подняла голову на груди мужчины и глянула через плечо. – Ну и ты... раз в себе, нужно переселить. Не в звериной же клетке будешь с ней жить.

Зверь зарычал так, что у меня самой задрожало в груди от вибрации.

– Мистер Хант, мы ее у вас не отберем, просто девушке нужно все объяснить и оказать помощь... Потом вернем. Или придется вас усыплять – выбирайте.

Харлос замолчал, а мне невыносимо захотелось рвануться в его сторону, и я дернулась. Зверь скосил на меня глаза, и в них сверкнули исполохи. Почти человек? Черта с два! Зверюга в человеческой шкуре! Я вздрогнула и забилась в его лапах, вырываясь.

Харлос меня звал, пытаюсь успокоить, а зверь вдруг схватил и притянул к себе за шею:

– Уверена, что хочешь к ним после всего, что они сделали?

Его колючее рычание скатилось по коже, щекоча нервы, обозначая суть ярче. Он прав. И такой же заложник ситуации... Но разум мне отказал. Все, чего хотелось – оказаться подальше, забиться в норку и переждать этот ужас.

– Хант, отпусти. Она важна сейчас для всех – для тебя и для нас.

Зверь болезненно поморщился, но неожиданно разжал руки и стянул с меня край подстилки.

– Иди... – Он поднялся со мной на ноги, поддерживая и помогая выпрямиться, а я шарахнулась от него к прутьям. Спихнулась, что белья на мне не осталось, и натянула футболку на бедра.

– Ари, – попытался меня взять под руку откуда-то выскокивший медбрат, но я дернулась от него так, будто этот уж точно меня сожрет. Со мной дернулся и зверь, ударившись о клетку, и охранник вскинул винтовку. Так они и застыли друг напротив друга, а меня сцапали под руки и повели по коридору.

Глава 2. Новое начало

Казалось, у меня даже позвоночник хрустит от желания обратиться в зверя и рвануть за девочкой, которую куда-то увели люди. Но разумом понимал – пока я бессилён. Они получили своё, и что теперь – неизвестно. Одно успокаивало – ей ничего не сделают. Они так долго подкладывали мне человеческих женщин, что сейчас должны остаться довольны результатом, а девочка им нужна для изучения...

Пальцы снова сжались на прутьях, наливаясь непривычной силой. В груди бурлила злость такой концентрации, что казалось, будто физически разъедает мозги.

Если мне её не вернут сегодня... Даже думать было страшно, что может случиться.

Зверь, медведь, в которого я обращался, всегда был частью, продолжением моего «я». Но сейчас мы с ним сильно разошлись, и я не понимал причину. Препараты? Генетический сбой, о котором я слышал, но никогда не чувствовал в себе его проявлений? Ясно одно – кроме меня, нас с девочкой отсюда никто не вытащит.

– Хант.

Я поднял глаза, встречаясь с суровым взглядом того самого, что приказал бросить ко мне девушку. Сейчас в нём ясно читалась такая лютая ненависть, что хотелось её выдрать вместе с глазами... медленно.

– Тебе предоставят другую комнату.

– Какой сервис, – искривил я уголки губ в усмешке.

– В твоих интересах сотрудничать...

– С каких это пор наши интересы совпадают?

– Ты ведь жить хочешь?

– Будто ты дашь.

– Ты мне нужен. Как и эта твоя избранница. Не здесь же ее будешь содержать дальше, – и он поморщился, оглядев клетку. – Вспомнил себя?

Я тяжело сглотнул, опуская взгляд:

– Сколько я был в звере?

– Три месяца почти, – равнодушно сообщил он.

– Где девушка, и что ты с ней будешь делать?

– Ничего. Проверим здоровье, проведем беседу... Она была не подготовлена к тому, что вчера произошло.

Будто те, кого принесли мне в жертву, были готовы. Или он думал, я не помню?

– ...И вернем тебе. Нам срывы не нужны.

– Тем более, тебе удалось преуспеть, – усмехнулся я. –

Почему она вдруг стала избранной?

– Будем разбираться. Это наша главная задача, – сделал акцент он.

– Откуда я у вас?

– Поймали зверем, как и всех остальных тут. – Он помолчал некоторое время, прежде чем продолжить. – Такие, как ты – угроза обществу. Здесь мы вас лечим. Искали лекар-

СТВО.

– Ну да...

Он врал. А я не помнил. Три месяца – слишком долго...

– Нашли?

– Теперь найдем, благодаря тебе. Готов сотрудничать?

Начались торги. Я еле погасил истинный взгляд, которым хотелось ему ответить, и прикрыл глаза. Что там просят придурки, готовые на все, лишь бы выжить?

– Готов, ты же знаешь, – прохрипел, надеясь, что поверит.

– Хорошо, – довольно усмехнулся он. Поверил. Думал, сломал меня.

– Только ей не делай ничего... – Наверное, стоило начать с этого, но не был уверен. – Ты ее отпустишь?

– Не сейчас. Она же нужна тебе.

– Нужна. – Она не просто нужна. В ней теперь – вся жизнь.

– Отлично. Сейчас тебе подготовят комнату. Ее тебе отдам вечером – девочке нужно успокоиться.

– Хорошо, – кивнул, чтобы не зарычать. А сам представлял, как буду медленно жрать эту тварь. "Ты будешь сдыхать у меня мучительно, пока не вспомнишь имена всех, кого погубил здесь".

– Молодец, Эйден, – похвалил, как собаку. – Жди. И веди себя хорошо.

Не это меня беспокоило. Я представлял, как держу пальцы на горле своего зверя – нельзя. Иначе конец и ей, и мне. Не сейчас.

Я же умею ждать...

Умею?

Кем я был?

Охотником.

Виски сдавило – память возвращалась болезненными толчками, а что-то в подсознании подсказывало – причина того, что я тут, именно в том, кем я был. Я помнил лес, запах оружейной смазки, вкус крови и радость от очередной победы. Я охотился на такое дикое зверье, на которое никто не мог. Знал в совершенстве территорию и повадки жертвы, тратил время на изучение ее привычек...

...Здесь – то же самое. Я изучу тебя, мразь. И использую слабости против тебя. А пока – наблюдать и слушать.

– Хант, – слышалось через время. Я открыл глаза и влево вдохнул, поворачивая голову к входу. – Шмотки надевай. Потом руки за спину. Приказ – не пичкать тебя транками.

Стандартно. Один с ружьем – прикрывает. Второй стоит у входа. Я плавно поднялся и нагнулся за пакетом, брошенным к ногам, пригнувшись. А ребята устали. От обоих разило вчерашней попойкой, а тахикардия говорила либо о том, что алкоголя было слишком много, либо не только алкоголя. То, что нужно.

– Куда поведете? – поинтересовался, натягивая штаны из грубой серой ткани. К ним прилагалась белая футболка. Натянув шмотье, отвернулся к стенке, позволяя защелкнуть на

запастях наручники.

– В комнату. С кроватью, удобствами, – спокойно отвечал мне провожатый. – Те, кто приходят в себя, живут у нас хорошо.

– И многие приходят?

– Не те, кто хотелось бы. Вот ты – самый редкий экземпляр, – и мужик посторонился, пропуская меня вперед. Цепь наручников натянулась и... едва не разлетелась между моих запястий. – Медведей у нас больше нет.

– Повезло, – пробормотал себе под нос, настороженно. Все это не нравилось. – Надеюсь, вы меня почините.

– Конечно, ты, главное, содействуй. Веди себя хорошо, и станешь как новенький.

Мужик вещал так фальшиво, что меня передергивало. Но видимость покладистого нужно делать всеми силами. Я смотрел себе под ноги, коротко поглядывая по сторонам и записывая картинку в память. Много вопросов задавать нельзя, поэтому на большинство придется ответить самому.

База не бог весть какая – два яруса, клетки на пути все пустые. Но по запаху становилось понятно – еще недавно в них содержали пленников. Одного вида. Я ясно чувствовал лишь один запах, и от него шерсть на загривке вставала дыбом. Стены не обшарпаны только потому, что изначально сделаны из некрашеного металла. И то в щелях уже вовсю процветала плесень. Персонал – сплошные идиоты. Даром что с оружием. Эти себе скорее отстрелят что-нибудь, чем в меня

попадут.

Навстречу нам попался уборщик, еще пара мужчин-охранников – таких же расслабленных. Что тут творилось, что они такие самоуверенные? Они вообще тут обратной видели?

– О, кого вы мне тут привели, – встретили нас на пропускном пункте в смежном отсеке невысокий толстяк. Может, мне прямо сейчас им тут всем хребты переломать к чертям? – "Очнушка"?

– Простите? – переспросил хрипло, тихо шизея от происходящего.

– А этот интеллигентный, – усмехнулся он.

Я подобрался, а сердце набрало обороты. Предположение, что эта база ляжет у меня быстро и без боя, едва не сорвало с места. Но я лишь медленно усмехнулся:

– Даже с высшим образованием.

Тип уважительно присвистнул:

– Проходите. Самая лучшая каюта за вами.

Этот отсек был не лучше внешне, но камера, в которую меня завели, действительно напомнила комнату в отеле. Пусть и дешевом, но все же. Дверь двойная: внутренняя – прутья, а внешняя – глухой металл. Мне сняли наручники – по инструкции – у стены.

– Сейчас принесут завтрак, потом на полигон.

– Полигон? – потер запястья, все так же глядя в стенку.

– Да, надо же в форме себя держать. А то сколько можно

в клетке сидеть? С возвращением.

– Спасибо. – Рычащих нот в голосе скрыть не удалось, но люди не придали этому значения.

Я осмотрелся. Большая кровать с чистым новым бельем, небольшая ванная с душевой и зарешеченное окно. Отлично. Я направился к нему, но тут же вздохнул от разочарования – оно смотрело на лес с холма. Деревья – сплошные елки, значит, высоко стоим. Зато ночью ничто не мешает сориентироваться по звездам и запаху.

Сейчас же все больше мысли дергались в сторону девочки.

Ари...

Осмотрит он ее, сволочь, будет лапать... В груди задрожал рык, но никакой угрозы возвращения к беспамятству я не чувствовал.

Двери открылись не то чтобы неожиданно, но все же визита я не ждал.

– Ну и как ты устоял? – оскалился на меня человек в темной униформе. – Твоя самка неизвестно где, сам – за решеткой, а вокруг – одни идиоты. Тебе все инстинкты отбило?

Я медленно направился к прутьям, разглядывая мужика. Военный – сразу видно. Интеллект весь ушел в мышцы, а принципы вертятся на одном – «ты или тебя». Готов биться об заклад – в отставке, а значит – выслуживается тут, доказывая всему миру, что он еще чего-то стоит.

– А ты ожидал веселья? – сузил глаза, глядя на его рожу. Вот, значит, как – весь этот видимый бардак был деланным.

А он провоцировал меня.

– Я таких, как ты, насквозь вижу... – вальяжно просунул он руки в прутья.

Один рывок – и эти руки останутся мне на память.

– Эйден Хант, охотник, военный, специалист по слежке и огнестрелу... Или... был?

Я едва не оскалился. Заскучал, тварь. Хотел себе противника тут отшелушить, а это давало надежду на то, что он здесь один такой бойкий. Интересно, насколько я прав?

– ...Отходить тебя не вышло, но имей в виду – и не таких ломали, – самозабвенно продолжал он. – Жаль – не сегодня.

– Вы меня с кем-то путаете.

И я не врал. Просто обвел кружочком претендента на изощренную расправу.

– Ну да, – скривился он. – Моя воля – я бы тебе голову с задницей спутал... Но ты теперь – ценный экземпляр. – И он мерзко хохотнул, обводя взглядом камеру. – Вот бы нам за такие заслуги выдавали такие хоромы. Будешь теперь тут со своей самкой на камеру сношаться...

– Может, и вам на пользу пойдет. Раз без пособия уже ничего не можете... – Он провоцировал. Я тоже. Но ни я, ни он на провокации не велись. Стояли, глядя друг другу в глаза, пока из моей груди не просочилось предупреждающее рычание.

Ублюдок отлепился от прутьев:

– Посмотрим, кто и кому преподаст урок, – довольно оска-

лился он и вальяжно зашагал по коридору.

Глава 3. Новые правила

Я моргала на яркий свет под потолком, отстраненно ожидая окончания осмотра. Казалось, он никогда не закончится.

– Можешь подниматься, – сообщила, наконец, врач.

Я никогда ее не видела здесь. Как и половину персонала, с которым столкнулась после того, как меня вытащили из клетки. Одеться никто так и не дал – не посчитали нужным. Так и таскали меня босиком и без трусов по кабинетам. Смешно, но если бы этот зверь не озаботился, я бы так и ходила с алыми разводами между ног.

– Когда вы закончите? – открыла рот впервые за все утро. Жить хотелось все больше, а злость на этих людей рвала грудную клетку.

– Закончили, – бесстрастно отозвалась она, что-то записывая в планшет. – Можешь выйти в коридор, тебя там заберут.

Унижение продолжилось в кабинете главного, куда меня проводил конвой. Я растянула футболку за утро чуть ли не до колен – хвала магазинчику «Все по 0,99!» Качество ткани было такое, что к вечеру, если меня не отпустят, футболка дотянется до длины платья.

– Присаживайтесь, – глянул ублюдок на меня исподлобья, отрываясь от экрана монитора.

На вид ему за пятьдесят. Рожа давно не сменяла эмоций,

замерла на кислото-недовольных. Белый халат поверх темного костюма не добавлял доверия к нему.

– У меня задница голая, – процедила, позволяя себе, наконец, выйти из себя. – А всю ночь меня имел ваш заключенный. Наверное, не стоит пачкать ваше дорогостоящее кресло?

– Сядь! – рявкнул он неприязненно.

Показалось, что позвоночник хрустнул, стоило опуститься на стул. Я держала все в себе несколько часов, и оно едва не пролилось. А все потому, что что-то внутри меня чертовски нуждалось в помощи. Срочно. Но другая часть стояла на своем – мне никогда никто не помогал. Даже в семье приходилось локтями доказывать свое право на мнение. Хорошая школа. Может, и тут удастся выжить.

– И... все уборщицы у вас так кончили? – прерывисто вздохнула я. – Крутой аттракцион.

Мужчина сузил на мне взгляд, но моя истерика его не тронула:

– Не думаю, что вам нужны мои извинения, мисс Пэрроу.

– Зовите меня Ари. Или, может, у вас на примете уже есть новый профессиональный псевдоним для меня? Как у вас тут все это устроено? Я теперь всех оборотней буду ублажать?

Чем больше меня несло, тем больше замирало все внутри – я переставала хотеть жить. Сдавалась с каждым словом... И, неожиданно даже для себя, не выдержала. По щекам по-

катились слезы, а взгляд застыл, переставая видеть. Захотелось сдохнуть...

– Вы совершенно случайно попали в программу, которой уже несколько лет занимается наша команда, – механическим голосом начал он. Будто робот какой-то. – Подопытный неожиданно проявил к вам интерес, который мы пытались вызвать у него три месяца...

– Повезло, – прохрипела я, медленно смаргивая очередную порцию влаги с глаз. Но собеседник этого не замечал.

– ...Я предлагаю вам продолжить участие в программе. У вас будет контракт и внушительный гонорар...

– А почему вы меня вчера не спросили? – задала глупый вопрос.

Но он снова не слушал.

– ...Договор вам предоставят для ознакомления сегодня же.

– А если меня не интересует ваш договор?

– У вас нет выбора, Ари, – впервые продемонстрировал он хоть какую-то эмоцию. – Я понимаю вас, но мы готовы щедро возместить вам моральный ущерб.

– Неужели? – усмехнулась.

Кажется, я оживала. Даже вздохнуть смогла чуть глубже. Хорошо, когда некому смотреть на твою медленную смерть – повод пересмотреть репертуар. Например, побороться за жизнь.

– Твое здоровье – наш приоритет, – перешел он на «ты». –

Как физическое, так и психическое.

– Наверное, поэтому меня все утро таскают без трусов по вашей базе? Интересно. Ваш собственный метод?

Профессор Ублюдок усмехнулся:

– У меня немного другие методы. Но убеждать тебя, что попала в санаторий, я не буду. Возможно, придется нелегко. Но в твоих интересах принять условия. Чем меньше дергаешься, тем шире петля.

А вот теперь он заговорил совсем как живой, будто запись кончилась.

– А вы умеете убеждать, – сложила я руки на груди. – И каковы обязанности?

Он использовал паузу на мое пристальное изучение и будто остался доволен.

– Медведь тебя выбрал. Это редкая удача. И наша задача – изучить условия, при которых эти твари становятся настолько уязвимыми.

– Бойтесь их? – нахмурилась я. – Обратней?

Оборотни в наше время такое же обычное явление, как радуга после дождя. Они живут с людьми бок о бок в относительном мире, хотя напряжение временами дает о себе знать. То, что люди чувствуют себя неуютно в новом мире, я знала всегда. Мы отгораживаемся от мира стенами. А вот оборотни спокойно живут как за ними, так и внутри – чем не предмет зависти?

Только могла ли я предположить, что стану жертвой этой

холодной войны?

– А кто их не боится? – подался он ко мне. – Они ставят свои условия, захватывают все больше территорий, на которые человеку путь заказан. Нам нужно знать слабости врагов. И ты теперь – очень важная персона. Героиня, можно сказать.

– С ума сойти! – покачала я головой, чувствуя, что меня сейчас стошнит. – Такая честь...

– Все верно, – развел он руками. – Как только подберемся к разгадке – будешь свободна.

– А он? – Вопрос вырвался сам. Как ни старалась, но считать зверя виноватым в том, что произошло, не выходило. – Он же... не мог контролировать то, что произошло... вчера.

Меня передернуло. То, что случилось, будто вывесили здесь на стену для обозрения, и теперь то, как меня лишили девственности, будет изучать каждая пробирка.

– Не мог. Судя по камерам, пытался даже бороться с этим инстинктом, но не вышло.

– Вы за всем следили по камерам... – выдохнула я ошарашено.

Он развел руками... а я в следующий миг схватила тяжелые часы в каменной оправе и зарядила уроду в лицо. Кажется, он не успел уклониться... Но меня уже в следующий вдох толкнули сзади на стол и скрутили руки за спиной. И непонятно от чего я давилась больше – от омерзения или тяжести, навалившейся на спину. Вокруг стоял гвалт, ругань,

меня дергали то на ноги, то снова толкали на стол, при этом футболка задиралась до самых бедер...

«Нам нужно отсюда выбраться», – всплыло вдруг в памяти, и наступила какая-то странная тишина внутри.

– Не трогать ее! – долетел будто сквозь вату сдавленный приказ, а я повела глазами вбок, натываясь на ширинку Профессора Ублюдка. Вот куда я буду бить в следующий раз. – В комнату отведите и дайте ей уже вещи!

Меня дернули на ноги, возвращая футболку на место, и вывели в коридор.

– Я сказал – не трогать! – долетело в спину, а я только сейчас обратила внимание, что тех, кто меня вел под руки, вижу впервые – обычные охранники здесь носили коричневую форму, а эти все в черном, с оружием и железной хваткой. Я даже не поверила, что меня притащили к дверям моей комнаты и сняли наручники.

– Передвигаться только по отсеку, – прозвучало напутствие, и мужчины развернулись и зашагали по коридору обратно.

А я еле нашла в себе силы нажать на ручку и закрыть за собой двери, прежде чем меня развезло уже в полную силу.

* * *

Не знаю, сколько я плакала. Кажется, за окном уже темно, а я все лежала на полу, поливая его слезами. Сложно бы-

ло понять, чего я боялась больше: того, что нужно будет снова шагнуть за дверь, или того опустошающего чувства, что накрыло в кабинете главного. Я больше не хотела это чувствовать.

Это было странно... Так же страшно, как оказаться в клетке. Но в душе все начинало сворачиваться от омерзения при мысли о людях, что сделали это со мной, но никак не о звере. По сути, он такая же жертва. Скольких ему приводили, надеясь, что он поведется? Этот крик, что я слышала, наверняка принадлежал той, которой не повезло.

Думать, что мне подфартило, было почти физически больно – по телу волной проходила дрожь, а сердце спотыкалось в груди. Но я жива. А те другие – нет.

Наконец, меня попустило. Я кое-как, пошатываясь, добрела до душевой и шагнула под горячие струи, где провела еще час. Нет, мне не хотелось отмываться от мужчины, который пытался спасти... Я вся провоняла антисептиками медицинских кабинетов, и они напоминали мне о кошмаре и унижении. Иллюзий я не питала – поступок с часами был идиотским. Никому я тут не отомщу, ноги бы унести...

И эта мысль завладела мной полностью, давая смысл.

Зеркало у кровати, к удивлению, ничем не напугало, кроме россыпи кровоподтеков на шее и синяков на бедрах. Я была все та же – длинные выющиеся рыжие волосы, и никаких следов от слез и пережитого ужаса. Лицо даже как-то светится, или кожа стала светлее. Наверное, надо чаще бы-

вать на солнце...

Обнаружив, что дверь не заперта, я оделась в спортивный костюм и направилась в столовую. Как раз время ужина. Есть не хотелось, а вот кофе – очень. Ходить все еще было неприятно, хотя перед кем мне тут делать вид? На лицах людей, сидевших за столом, отразились все те эмоции, для которых я старалась не дать повода. Они разом замолчали, провожая меня такими взглядами, будто я из мертвых восстала.

– Приятного аппетита. – Вышло хрипло, и я прокашлялась, направляясь к кофеварке.

– Ари... – вздохнула Ру, наша повар.

Мужчины тоже зашевелились. Все они работали на базе обслуживающим персоналом, как и я. Понятно, почему я не видела тех других – они не пересекались с нами. Вероятно, для нашего же блага.

– Ари, – Ру подошла ко мне и кивнула в сторону кухни, тихо предложив: – Пойдем, покормлю тебя у себя и кофе сделаю, чтобы... никто не смотрел. У меня стейк там есть.

Я скосила на нее взгляд, неуверенно кивая:

– Хорошо.

Мы прошли с ней за стойку раздачи под мрачные взгляды мужчин и оказались в чистенькой комнате с белыми стенами и небольшим балкончиком – святая святых. Я огляделась и сжалась, обнимая себя руками:

– Спасибо.

– Садись на балконе – сегодня прелесть как пахнет сосна-

ми, а я быстро приготавливаю.

– Ру, – оглянулась я, – а тебе точно за это ничего не будет?

– Да чем меня тут еще можно напугать? – горько усмехнулась она. – Садись, садись.

Я прошла на балкон и опустилась на пластиковый стул. Действительно, пахло тут так, что в груди сперло. А я даже не обращала внимания, что вокруг так красиво и... Горло снова сдавило, будто ошейником, и я еле проглотила ком, ставший поперек.

Ру принесла кофе, но не такой, что выплевывала кофе-машина, а настоящий, сваренный по всем правилам. Его вкус чем-то напомнил тот, что делала мама.

– Спасибо, – просипела я.

– Девочка, – она протянула сухую ладонь ко мне и погладила по голове.

Но я отшатнулась:

– Не надо, прости, – и зажмурилась, – а то снова начну реветь...

– У меня, – вдруг прошептала она, склоняясь ниже, – есть возможность тебя вытащить...

Сердце забило в груди пичугой, и я замерла с прямой спиной, боясь моргнуть. А Ру тихо продолжала:

– Завтра приедет машина с продуктами. Обратно поедут вечером. Я спрячу тебя в пустой коробке...

И она отвернулась и ушла с балкона, громко причитая, что мясо, кажется, подгорает. А я автоматически поднесла

чашку к губам и тут же обожглась, одергивая руки. Во рту пересохло от волнения. Стало страшно – а как же Ру? Я ведь уже знаю, на что способны эти ублюдки...

– ...Ну вот, деточка, – вернулась женщина с подносом. На широкой тарелке лежал сочный стейк, присыпанный молодой мелко рубленой зеленью. – Свеженькое. Набирайся сил, они тебе понадобятся.

Я машинально взяла у нее тарелку, тревожно глядя в лицо женщине. Зачем она это делает?

– Я не могу...

– Можешь. Я даже обсуждать это не хочу, – сурово заявила она. – Ешь давай!

От слов Ру стало страшно. А если не выйдет? И... мне нужно было как-то пережить еще одну ночь...

...со зверем...

Глава 4. Волчонок

– На выход.

Приказ ударил по нервам кувалдой. Но провокаций на первый взгляд больше не планировалось – за мной пришел серьезный конвой. Руки скрутили уже вполне надежные наручники – впору было взвыть от боли, но я только стиснул зубы. В затылок уперлось холодное дуло пистолета, и меня повели по коридору в новой части здания.

Создавалось впечатление, что здесь планировалось содержать больше таких, как я. Но то ли они уже все отправились в мир иной, то ли их так и насобирали.

Я все силился вспомнить момент моего тут появления – и не мог. Зато более отдаленные картинки прошлого становились все ярче. Я вспомнил отца, который натаскивал меня каждый день в лесу едва ли не с момента, когда я встал на четвереньки. А еще – как мы гуляли с ним вечерами у речки в звериной ипостаси. Гордость за отца переполняла меня по самые уши. Я был единственным ребенком. Мать пропадала в городе, но кем работала и как часто ее видел – я не помнил. Только отца. И еще нашу хижину в лесу. Время там, казалось, остановилось. Иногда холодало, деревья линяли, сыпал снег, а потом его топил весенний дождь... И так по кругу. Но это тогда не беспокоило. Меня занимал другой мир – мир законов природы и людей, силы и хитрости, которыми отец

владел в совершенстве.

Куда он делся?

Я вдруг замер, как вкопанный, а в спину тут же врезалось тупое тело с пушкой и руганью. Но меня это не тронуло ни капли. Потому что я вспомнил...

...Отец просто однажды не вернулся.

– Твою мать, а ну пошел! – заорали мне в спину. – Уснул, что ли?!

Меня грубо пнули под колено, и нога подогнулась, но недостаточно, чтобы потерять равновесие. Я выпрямился и пошел дальше.

Солнце ударило по глазам, и я замотал головой, моргая. Сколько же я не был под солнцем? Ноздри забились разномастными запахами, и такой поток информации хлынул в голову, что я едва успевал ее обрабатывать. Привычки, выдрессированные годами, давали о себе знать. Самое четкое понимание – вечером будет дождь. А еще – сейчас август, потому что в воздухе стоит густой аромат горечавки. Третье – мы к югу от Смиртона – только здесь живет пикля, которая чирикает сейчас над головой в еловой кроне. А еще – она скоро распрощается с потомством. Значит, конец августа. Еще тут неподалеку речка...

...И белоглазые.

Я медленно моргнул, уставившись на оборотня, сидящего за решеткой на земле. Он смотрел на меня исподлобья, но драпать не собирался – не мог.

– Шагай в камеру.

– Там волк, – глухо возразил я.

– И что? – обошел меня тип и уставился мне в лицо. –

Брезгуешь? Зато он – нет.

Гнусный групповой смех резанул по ушам, и меня протолкнули в клетку. Размером она напоминала бейсбольную площадку в школе, только засыпана песком. И кольцо тут имелось. А к нему несколько спортивных снарядов.

Я потер запястья, оставшись без наручников, и глянул на волка. Молодой еще, лет двадцать от силы. Он не выказывал страха, но следил за мной пристально из-под спутанных черных прядей волос. Привычно.

– Привет, – я хрипло поздоровался. Да, мы не любим друг друга, но без причины не нападаем. А здесь вообще на одной стороне. Он не ответил, уязвимо подобравшись, и я заметил шрамы у него на боку. – Давно здесь?

Волчонок угрюмо молчал, но стоило сделать шаг, вздрогнул. Я не стал его нервировать, направившись в противоположную сторону – к турникету. Тело жаждало нагрузки – я засиделся в тесной клетке.

Но гораздо больше оно жаждало возвращения девочки в мои лапы.

От мысли о ней я поморщился, чувствуя, будто по венам перестала течь кровь, а вместо нее побежали концентрированная ненависть и злоба. Я так увлекся этим ощущением, что не сразу услышал какую-то возню. Обернувшись, увидел,

как волк корчится на песке в процессе оборота, а за его спиной стоят охранники и с интересом смотрят на мучения мелкого. То, что оборот неправильный, бросалось в глаза сразу же.

Заставили его обернуться?

Но это ведь невозможно...

Или...

Не успел я додумать, волк встал на нетвердые лапы и оскалится. Даром что доходяга в человеческом теле, в животном – ростом с теленка. И он меня не боялся. Что и продемонстрировал сразу же, кинувшись на меня. Лапы заплетались, но броски он рассчитывал четко. От первого я увернулся, но от второго не успел, и волк цапнул меня за бедро. Я зашипел, стиснув зубы, и двинул его в ответ по шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.